

М.А. Широкова

Политическая гносеология ранних славянофилов

Изучение философской концепции классиков славянофильства второй четверти XIX в. с использованием категорий современной политической науки представляется чрезвычайно актуальным и с общетеоретической, и с методологической точек зрения. Отдельного внимания заслуживают важнейшие составляющие славянофильской философской системы – антропология, гносеология, онтология, каждая из которых должна рассматриваться в тесной взаимосвязи с политикой. Философия, по определению, данному И.В. Киреевским, «есть не что иное, как переходное движение человеческого разума от области веры в многообразное приложение мысли бытовой» [1, с. 263]. В этом виде она для нас выступает как философия политики.

По мнению славянофилов, не каждый человек может заниматься богословием, не для всех доступно и не для всех необходимо занятие философией. Но для каждого возможно и необходимо «связать направление своей жизни со своим коренным убеждением веры, согласить с ним свое главное занятие и каждое особое дело, чтобы всякое действие было выражением одного стремления, каждая мысль искала одного основания, каждый шаг вел к одной цели» [2, т. 2, с. 276]. Иными словами, славянофильская философия должна была выполнить своеобразную идеологическую функцию – функцию сплочения общества и направления всех его действий к достижению одной цели – совершенному общественному устройству, через воплощение религиозного, нравственного и социально-политического идеала. Движение к этому идеалу составляет смысл жизни всего человечества и каждого отдельного человека.

Значение политической гносеологии славянофилов определяется для нас не столько тем, что это наиболее разработанная часть их политико-философской системы, сколько тем, что для славянофилов процесс познания истины был равнозначен процессу переустройства человеческой души на началах цельности и любви. А поскольку изменение человека обуславливает изменение общества, а оно, в свою очередь, – изменение государства, следовательно, именно в гносеологии вырабатывают-

ся пути достижения общественно-политического идеала.

Основное положение политической гносеологии славянофилов вытекает из их богословских взглядов и строится на принципе церковности. Это положение заключается в том, что познание истины и овладение ею не являются функцией индивидуального сознания, но вверено церкви. Истина о наилучшем политическом устройстве общества, соответственно, тоже может быть познана человеком только тогда, когда его индивидуальное сознание просветлено благодатью церкви. «Истина, недоступная для отдельного мышления, – писал Хомяков, – доступна только совокупности мышлений, связанных любовью» [3, с. 283]. Это означает, что индивидуальный, обособленный разум осужден лишь на частичные, неполные знания, – и здесь «полуправда» легко обращается в неправду. По этой причине на Западе познание, в том числе и политическое, будет неадекватно действительности до тех пор, пока там господствуют индивидуализм и безверие. Достоинством индивидуального разума западного человека являются частичные, неполные истины. А так как разум, по учению славянофилов, должен быть «всецелым» и иным не может быть, то эти частичные истины славянофилы относят не к сфере «разума», а к сфере «рассудка». Обособленное индивидуальное сознание, не восполненное церковью, основывается лишь на рассудке. Идея рассудочного познания, противопоставлявшаяся целостному духу, оказалась в центре славянофильской критики западной культуры.

Многие исследователи философии славянофилов утверждают, что у последних произошло отождествление западного рационализма, представляющего собой явление общекультурного характера, с рассудочным познанием (см. например: [4–8]). Дело в том, что все первичные начала рационализма как культуры славянофилы усматривали в западном христианстве. Известно, что у Хомякова и у других славянофилов противопоставление православия западным вероисповеданиям вылилось в противопоставление веры – рассудку. Сама же вера отождествлялась с «всецелым разумом». Поэтому в гносеологических построениях

славянофилов отсутствует дуализм веры и разума так же, как отсутствует отделение философского сознания от богословского. Непримиримое противоречие между верой и разумом славянофилы считали характерной чертой западного «просвещения», сами же они всегда искали духовной и идейной целостности. «Раздвоение и цельность, рассудочность и разумность» И.В. Киреевский считал «последним выражением западноевропейской и древнерусской образованности» [1, с. 235]. Славянофилы глубоко сознавали, что русская мысль, основанная на подлинной христианской вере, имеет все данные, чтобы выдвинуть «новые начала» в познании истины. В отношении политики эти «новые начала» должны были стать своего рода политической идеологией, с помощью которой предполагалось открыть новую эпоху в развитии христианского мира.

Главный порок западной системы познания славянофилы видели в «идеализме», т.е. в утере живой связи с реальностью, в воззрении, согласно которому «все бытие мира является призрачной диалектикой собственного разума, а разум – самосознанием всемирного бытия» [2, т. 1, с. 244].

Как показала европейская политическая история, «одиноким разумом, познающим отношения предметов, но не самые предметы, приводит к голому отрицанию, точнее – к небытию, когда отрывается от веры, т.е. от внутреннего познания предметов» [9, с. 70]. В результате все проекты переустройства общества, созданные западным логическим мышлением, оказываются нежизнеспособными. Свою задачу славянофилы видели в том, чтобы найти «точку опоры» для построения такого учения о политическом познании, которое не отрывало бы познающего субъекта от реальности [10, с. 19]. Такой точкой опоры для славянофильской гносеологии стал «онтологизм» в истолковании политического познания. Они утверждали, что познание есть процесс «бытийственного» вхождения в политическую реальность, что человек «приобщается» к объекту познания не одной мыслью, но всем своим существом. А это возможно только в том случае, когда познавательный процесс связан со всей духовной сферой в человеке, с тем, что Киреевский в своей антропологии называет «внутренним человеком». Иными словами, для адекватного познания политической действительности необходима «цельность духа». Политическое познание есть функция не мышления самого по себе, а личности в целом. «Для отвлеченного мышления, – писал Киреевский, – существен-

ное вообще недоступно, ибо только существенность может прикасаться к существенному» [2, т. 1 с. 274]. Если же мышление человека отрывается от реальной связи с действительностью, как это произошло на западе, то и сам человек становится существом «отвлеченным», оторванным от взаимодействия с бытием. Ярче всего эта оторванность проявляется тогда, когда «рассудочное познание» занимает место веры – таинственной связи человеческого духа с Абсолютом. Утрата истинной веры в истории европейских народов представляет собой «первичный факт», по отношению к которому возникновение рассудочного познания есть факт вторичный. А с момента вытеснения веры рассудком в обществе начинается бурное развитие политики, которая берет верх над моралью.

Только верующему мышлению доступно приобщение к политической реальности. При наличии веры в уме человека происходит двойная деятельность: во-первых, он познает политическую действительность, а во вторых, следит за самим способом этого познания. Его вера «присутствует неотлучно при каждом движении его разума» [2, т. 1, с. 252]. Совершенно так же вера «присутствует» и при каждом политическом действии верующего, поскольку процесс познания есть в то же время и процесс преобразования общества.

Но ни достижение истинного знания, ни осуществление политических преобразований недоступно отдельной личности – для этого нужна общая, коллективная познавательная работа. Соборность необходима для обеспечения соблюдения христианских нравственных норм как в процессе познания, так и в политической деятельности. Здесь вновь на первый план выступает социальный акцент в славянофильской гносеологии. Высшая истина открыта человеческому разуму только в церкви или же в «оцерковленном» социальном организме, каким будет соборное общество. Но истина не навязывается индивидуальному сознанию церковью, обществом или государством, а открывается ему именно как истина. А.С. Хомяков говорил, что «свобода исследования» для каждого члена церкви не должна подменяться внешним авторитетом. Выдвигая этот тезис, Хомяков стремился преодолеть католицизм, или «латинство», которое требует от индивидуального сознания покорности и послушания церкви, не развивает в каждом верующем познавательной работы и даже подавляет ее. Но не менее решительно Хомяков отрицал и индивидуализм, к которому склоня-

ется протестантизм, объявляющий индивидуальный разум вполне способным к познанию истины. Выступая в противовес католицизму, протестанты отвергают церковное единомыслие, называя церковь «авторитетом». «Нет, Церковь не авторитет, – возражает Хомяков, – как не авторитет Бог, не авторитет Христос, ибо авторитет есть нечто для нас внешнее. Не авторитет, говорю я, а истина, и в то же время жизнь христианина, внутренняя жизнь его» [9, с. 43]. Тем самым Хомяков подчеркивал отсутствие властного характера в отношениях между Церковью и христианином, что является одной из ключевых идей славянофильской концепции.

Пребывание в церкви дает человеку «внутреннее нравственное согласие со всемирными законами» [11, с. 148]. Только оно позволяет ему поднять свой разум на наибольшую высоту и, изменяя себя, преобразовать общество и государство. Первым и высшим из «всемирных законов», по Хомякову, является закон любви. Добиться воплощения социально-политического идеала можно только согласуя каждое свое действие с этим законом.

Хомяков, как и все славянофилы, вводит в политику нравственные основания. Любовь человека к Богу (которого в своих философских построениях Хомяков называет «волящим разумом») и любовь людей друг к другу – высший закон жизни человека, благодаря которому преодолеваются эгоизм и индивидуализм, восторжествовавшие после его грехопадения. Каждому человеку следует «настраивать упорное неустройство своих умственных сил» в соответствии с законом любви, стремиться к целостности разума, при которой «божественная истина открывается всей душе, а не одному рассудку» [9, с. 208].

Изучение политического развития общества славянофилы старались проводить в полном соответствии с принципом целостности разума. «Мысль познающая, – писал Ю.Ф. Самарин, – как орган науки достигает до полного своего развития и могущества только при условии совокупного и сосредоточенного участия в процессе постижения всех сил и способностей духа, воля придает мысли постоянство напряжения, побуждая и сдерживая ее, теплое сочувствие согревает мысль и вооружает ее безошибочностью духовного инстинкта, угадывающего в исторических явлениях едва проявленные движения человеческой души» [12, с. 135]. В свете противопоставления «всечеловеческого разума» рассудочному познанию славянофилы вновь рассматривают антитезу «Россия –

Запад». По словам И.В. Киреевского, мыслители допетровской Руси, перенявшие свой «способ мышления» у византийских отцов церкви, стремясь к истине, всегда прежде всего заботились «о правильности внутреннего состояния мыслящего духа», западные же ученые на протяжении многих веков «заботились более о внешней связи понятий» [1, с. 221]. Русские люди для достижения полноты истины «ищут внутренней цельности разума: того, так сказать, средоточия умственных сил, где все отдельные деятельности духа сливаются в одно живое и высшее единство»; западные, напротив, «полагают, что достижение полноты истины возможно и для разделившихся сил ума, самодвижно действующих в своей одинокой отдельности». «Одним чувством понимают они нравственное, другим – изящное, полезное – опять особым смыслом, истинное понимают они отвлеченным рассудком, и ни одна способность не знает, что делает другая, куда ее действие не свершится» [1, с. 260]. Первое же условие постижения истины о наилучшем общественном и государственном устройстве заключается в том, чтобы человеческий разум «стремился собрать в одну неделимую цельность все свои отдельные силы» [1, с. 260].

В гносеологии славянофилов цельный, верующий разум стоит выше разума «естественного», основанного только на законах логики, настолько же, насколько человек как разумное и способное к «внутреннему богосознанию» существо стоит выше «всей цепи различных органических существ». Точно так же соотносятся между собой государственные формы, созданные «рассудочным мышлением» ради практической пользы, и христианское государство, устроенное по закону любви.

Христианское государство для славянофилов есть «воплощение истины в государственном устройстве». Для создания такого государства недостаточно, чтобы истину постиг монарх или правительство, – от каждого члена общества требуется перестроить свой дух сообразно началам христианской нравственности. Не приобщившись сам к божественной истине (что возможно только в церкви), человек не может надеяться увидеть ее воплощенной в политическом устройстве общества. Представляется, что именно эти чрезвычайно высокие нравственные требования к государству, к обществу, к отдельному человеку придали славянофильскому идеалу черты этико-политической утопии и помешали его широкому распространению в российском обществе.

Литература

1. Киреевский И.В. Избранные статьи. М., 1984.
2. Киреевский И.В. Полн собр. соч. М., 1911. Т. 2.
3. Хомяков А.С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 1.
4. Зеньковский В.В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1. Ч. 1.
5. Галактионов А.А., Никандров П.Ф. Русская философия IX–XIX вв. Л., 1989.
6. Песков А.М. Германский комплекс славянофилов // Вопросы философии. 1992. №8.
7. Лобов Л. Славянофилы как литературные критики // Известия С.-Петербургского славянского благотворительного об-ва. 1904. №8.
8. Пыпин А.Н. Характеристики литературных мнений от 20-х до 50-х гг. Исторические очерки // Вестник Европы. 1872. №6.
9. Хомяков А.С. Сочинения: В 2-х т. М., 1994. Т. 2.
10. Зеньковский В.В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1. Ч. 2.
11. Хомяков А.С. По поводу отрывков, найденных в бумагах И.В. Киреевского // Философские науки. 1991. №11.
12. Самарин Ю.Ф. Сочинения. М., 1877. Т. 2.